

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-18-27

Т.В. Говенько**Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
121069 г. Москва, Российская Федерация;****Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация**

Методологическое новаторство А.Н. Веселовского в изучении сказки

Аннотация. Работы академика А.Н. Веселовского (1838–1906), относящиеся к раннему периоду его научной деятельности, нечасто попадают в поле зрения исследователей, а между тем именно с них начинается его новаторский подход к изучению истории литературы и фольклора. Основная задача настоящей статьи заключается в осмыслении концептуально-методологических взглядов ученого на сказку как на первичную повествовательную художественно-образную структуру, с которой начинается словесное искусство. Цель – скорректировать восприятие достижений Веселовского в этой области и оценить его заслуги. По мнению ученого, сказка является проекцией архаического сознания. Чтобы доказать это положение, он подробно разбирает ее структурные и семантические особенности. В ходе анализа Веселовский приходит к выводу, что сказка, подобно слову, имеет константную форму и полисемантическое содержание. Ее композиция задается кумулятивными свойствами сказки, что также является признаком ее архаичности. Выделение диахронической первичности мотива по отношению к сюжету сказки приводит Веселовского к ряду интересных догадок, которые приблизили его к теории генезиса и эволюции повествовательных форм, к пониманию законов создания и развития сюжета. Связав многозначность смыслов сказки с контекстом, на примере сказки о невинно-гонимой девушке ученый наглядно демонстрирует, как дискурс влияет на трансформацию ее содержания. Смещение исследовательского ракурса к прагматике позволило Веселовскому изучить условия и основания самого факта декламации текста, установить, как воздействие внешней среды влияет на содержание и оформление сказки. Методы и приемы ученого до сих пор вызывают к себе заслуженный интерес российских и иностранных филологов как с точки зрения рецепции, так и потенциала его открытий.

Ключевые слова: А.Н. Веселовский, сказка, методология, мотив, сюжет, историческая поэтика, фольклористика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Говенько Т.В. Методологическое новаторство А.Н. Веселовского в изучении сказки // Литература в школе. 2022. № 1. С. 18–27.
DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-18-27

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-18-27

T.V. Govenko**A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 121069, Russian Federation;****Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation**

Methodological innovation of A.N. Veselovsky in a fairy tale studies

Abstract. Works of Academician A.N. Veselovsky (1838–1906), relating to the early period of his scientific activity, infrequently enter the vision of researchers, but it is from them that his innovative approach to studying the history of literature and folklore begins. The main objective of this article is to understand the conceptual and methodological views of the scientist on a fairy tale as a primary narrative artistic structure with which verbal art begins. The goal is to adjust the perception of Veselovsky's achievements in this area and evaluate his contribution. According to the scientist, the fairy tale is a projection of the archaic consciousness. To prove this position, he studies its structural and semantic features in detail. In the course of the analysis, Veselovsky comes to the conclusion that the fairy tale, like a word, has a constant form and polysemantic content. Its composition is defined by the cumulative properties of the fairy tale, which is also a sign of its being archaic. Singling out the diachronic primary reality in relation to the plot of the fairy tale leads Veselovsky to interesting guessing, which brought it into the theory of genesis and the evolution of narrative forms, to understanding the laws of creation and development of the plot. Having connected the multiplicity of meanings of a fairy tale with the context, on the example of a fairy tale about an unfairly persecuted maiden, the scientist clearly demonstrates how the discourse affects the transformation of its content. The shift of the research angle to pragmatics allowed Veselovsky to study the conditions and grounds for the very fact of the text recitation, and to establish how the influence of the external environment affects the content and design of the fairy tale. The scientist's methods and techniques still arouse due interest of Russian and foreign philologists both from the perspective of the reception and the potential of its discoveries.

Key words: A.N. Veselovsky, a fairy tale, methodology, a motive, plot, historical poetics, folklore studies

CITATION: Govenko T.V. Methodological innovation of A.N. Veselovsky in a fairy tale studies. *Literature at School*. 2022. No. 1. Pp. 18–27. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-18-27

Еще в начале своего научно-го пути выдающийся русский ученый Александр Николаевич Веселовский поставил перед собой задачу разработать теорию генезиса и эволюции художественных форм, которая была бы соотносима с историей человеческой мысли и быта, то есть – парадигмой, где «факты жизни связаны между собой взаимной зависимостью: экономические условия вызывают известный исторический строй, вместе они обуславливают тот или другой род литературной деятельности, и нет возможности отделить одно от другого» [1, с. 43]. Опираясь на историко-антропологическое понимание словесности, Веселовский утверждал, что наука о поэтике «должна взойти к первобытной эпохе создания слова, в котором еще слиты нераздельно эстетические и научные представления человека о действительности, и наука еще не выделилась из искусства» [2, с. 38]. Иначе говоря, начинать ее изучение нужно с элементарных повествовательных структур.

Точкой отсчета вслед за своими предшественниками (И.-В. фон Гете, И. Гердером, Я. Гриммом, В. Гумбольдтом, Г.Ф. Крейцером, Ф. Шеллингом, Х. Штейнталем, Ф.И. Буслаевым и многими другими) Веселовский признавал миф, но не как художественную систему, которая, на его взгляд, сложилась гораздо позже, а как конститутивное мировидение, отождествленное с природой, как бытийно-образный синкретизм и символический способ освоения мира. На этой почве, по мнению ученого, возникли первые слова, тропы и сказки. Последние представлялись ему «отложением древнего доисторического мифа» [Там же, с. 50], «проек-

цией мифа», «обескровленным мифом» [6, с. 539], «в образах облекающей жизненную суть явления» мифа [Там же], «миром образных обобщений, бытовых и мифологических» [Там же]. Иначе говоря, миф первобытной эпохи – это тот базис, на основании которого сформировалась сказка и стала объективным обоснованием его существования. В анамнезе сказки миф обнаруживал себя в виде следующих признаков: конкретно-образное восприятие действительности, иррациональное представление о времени и пространстве, наивное осмысление отношений между свойствами предметов, односторонне-одинаковое представление о том или ином герое, вовлеченность участников в референтное пространство коммуникативно-прагматической модели сказки и т.д.

«Всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества» [7, с. 65], – писал Веселовский в 1859 г. Приравнивая образование сказки к той же поре, что и словообразование, когда «еще слиты нераздельно эстетические и научные представления человека о действительности» [2, с. 38], когда человеческое сознание недифференцировано, а речь носит синтагматический характер, ученый предположил, что ее элементарная схема соответствует формуле $a + b$, где a – наблюдаемое явление, а b – его внелогическое объяснение. Как в слове, так и «в сказке старый миф <...> обращается в формулу, каменеет» [Там же, с. 55]. По этой аналогии формальные показатели сказки являются ее постоянным признаком, а содержательные – переменным. В силу своей семантической подвижности сказка оказывается «проницаемой» для новых смыслов

и идей, заимствованных тем и мотивов, эмотивного отношения к сообщаемому, и «чем чаще меняется мифологическая почва, например, при смене одной религиозной системы другой, тем более открывается простора самостоятельному действию этой пластической силы, не связываемой более внутренней потребностью точно выразить содержание поблекшего мифа» [2, с. 10]. Другое дело героический эпос – явление более поздней парадигмы. Для него сакральным являлось смысловое пространство исторического прошлого, и когда с течением времени в пропозиции возникало противоречие, оно снималось не за счет интерпретации содержания, а посредством формальных изменений: разрастания фабулы, контаминации нескольких мотивов, повторов эпизодов, зацикливания и т.д.

Итак, сказка и действительность соотносимы через язык и архаическое сознание. Трансформация сказки происходит на уровне переосмысления типов и мотивов «сообразно с новыми идеалами, привходящими в народную жизнь, которая, со своей стороны, скажется внесением в них подробностей постоянно изменяющегося быта. Сказка развивается содержательно» [Там же, с. 55]. В связи с этим Веселовский ставил перед собой следующие задачи:

- 1) изучить культурно-психологические процессы, «под которыми исчезает древняя основа и ступшевывается самая точка отправления» сказки [Там же, с. 38];
- 2) связать многозначность смыслов сказки с многозначностью ее контекстов;
- 3) выяснить, почему и каким образом мифологическое переходит в поэтическое.

Свой первый опыт анализа сказки Веселовский продемонстрировал в работе на итальянском языке «*Novella della figlia del re di Dacia: Testo inedito del buon secolo della lingua*» («Новелла о дочери Дакийского царя: неопубликованный текст на языке доброго века») (1866). Некоторые ее положения он повторил в статье-рецензии на сборники итальянских сказок «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» (1868).

Публикация Веселовского состоялась после того, как в апреле 1866 г. он познакомился во Флоренции с профессором итальянской литературы Пизанского университета, компаративистом Алессандро Д'Анконе (1835–1914) и дал оценку его недавнему исследованию «*La Rappresentazione di Santa Uliva: riprodotta sulle antiche stampe*» («Представление о св. Уливии: репродуцированное по античным оттискам») (1863), посвященному легенде о невинно-гонимой девушке. После этого Д'Анконе передал русскому ученому копию тосканской новеллы о дочери Дакийского царя с рукописи Малекарни XV в. и попросил подготовить ее к печати.

Брошюра увидела свет в этом же году тиражом в 250 экземпляров. Помимо текста новеллы, нескольких приложений и словаря в ее состав вошла обширная вступительная статья Веселовского. Из названия «История о преследуемой девушке. Миф – народная сказка – легенда – новелла – площадная песня» становится ясно, что перед нами исследование отдельно взятого мотива, попытка молодого ученого доказать, что 1) структурно-семантическая художественная система является

динамически подвижной; 2) мотив меняет свое функциональное значение в зависимости от смены дискурса. И хотя на этот момент Веселовским еще не были четко сформулированы положения его знаменитой теории о мотиве и сюжете, стремление отличать их друг от друга уже хорошо просматривается в его рассуждениях о том, что мотив по своей природе близок символу, семантика которого демонстрирует зависимость от места и события своего возникновения. Перенесите его в другое место – и первоначальный смысл будет утрачен, подчеркивал ученый.

Мотив о невинно гонимой девушке или девушке-безручке Веселовский назвал одним из самых распространенных на европейском континенте. Подробно пересказывая сюжеты из сборников сказок русских, немецких, французских, греческих, албанских, сербских, корсиканских и других народов, он выделил их сходства и различия, отметив, что не во всех историях невинно гонимая девушка обязательно утрачивает руки и не всегда становится жертвой инцеста.

По предположению Веселовского, мотив этот – один из самых древних. На уровне мифологической парадигмы перед нами история об изгнании девушки из родо-племенного союза за нарушение норм поведения в архаическом обществе. Когда это сообщение лишилось связи с первоначальной, смыслопорождаемой ситуацией, сам нарратив сохранил к себе интерес в силу своей занимательности и приобрел эстетическое качество. Как слово, утратившее денотат, приобретает метафорическое или метонимическое значение, так и мотив, получив свободу от первичных идейно-образных установок, оказался

объектом прагматики: стал «применяться» по аналогии, по ассоциации, по требованию, по случаю, «примыкать» к тематическим религиозным легендам, к исторической саге, «подлаживаться» под разные коммуникативные требования.

Вместе с формальными признаками сказки о невинно гонимой девушке Веселовский глубоко изучил и ее идеологический контекст. Так как «в исторической науке уже признан тот факт, что христианство, придя на Запад, не смогло полностью вытеснить древние религии» [19, р. XXXIV], он обратил внимание на то, что идеи об аде, чистилище и рае, об искуплении смертных грехов и т.д. оказались «насыщены мифологическими воспоминаниями, которые еще недостаточно изучены» [Там же, р. XXXVI]. Особенно заметна ассимиляция мифологического и религиозного в жанровом поле легенд о святых, где вымысла больше, чем исторического факта. На уровне этой парадигмы «мифологический процесс, – как считал Веселовский, – пошел обратным путем: не из мифа создавался символ, а символ развивал миф» [3, с. 192]. Подобная рокировка изменила семантико-эстетический состав мотива: примкнув к легендам о чудесах Святой Богородицы, героиня обрела в ней заступницу, а за терпение и смирение у девушки отросли руки.

С ростом городов и ремесел случилась интеллектуальная и социальная революция, отодвинувшая средневековые ценности на периферию, как писал Веселовский. Формируется принципиально новое отношение к мотиву и стилю, рождается жанр новеллы, которая «является иногда не более как пародией, отрицанием

той мифической сказки, которую она старалась воспроизвести» [2, с. 31]. Место «чудесного» занимают «буржуазные» ценности: хитрость, изворотливость, смекалка, оборотливость и т.д. На этом этапе «меняется не только точка зрения, но и в рассказ вторгаются новые черты, чуждая обстановка, историческое приурочение, сознательные, практические и нравственные цели, под влиянием которых сказочные типы наполняются новым содержанием, которое удаляет их от первобытной эпической простоты» [Там же, с. 31]. Мотив «встраивается» в новеллу о целомудрии и добродетели жен: теперь девушка содержала себя в чистоте и святости «не потому, что злой гений использовал ее, чтобы привести человека в лоно Церкви» [19, р. LXIV], а по собственной воле, и вышла из затруднительного положения благодаря своей мудрости и сноровке.

«Новейшей апперцепцией» назвал Веселовский логически осмысленное творчество [8, с. 125]. В художественной литературе мотив о невинно гонимой девушке стал «вымышляться» по желанию автора. Так, например, у Дж. Боккаччо он вошел в состав комедии о мудрой девушке и уже потом из книжной традиции перекочевал в народную драму, которую исполняли уличные артисты на торговой площади, еще больше усугубляя профанность содержания.

Продолжая анализировать эволюцию сказки на материале сборников итальянских сказок, Веселовский отмечал, что для ее бытования и сохранности принципиальную значимость имеет «консервативная тень феодального замка» [2, с. 18], то есть – модель натурального хозяйства и традиционного для деревни

досугового времяпровождения. Под влиянием городов и художественной литературы происходит «упадок сказочного стиля» [Там же], – писал ученый, – но, если посмотреть на фольклорную сказку как на одну из древнейших образно-поэтических моделей вне среды ее обитания, то она еще долго будет оставаться востребованной в искусстве. Объяснение этому феномену Веселовский находил в том, что реномации подвергаются в первую очередь ментальные (архетипичные) показатели сказки. По этой причине он рекомендовал исследователям осмысливать в «кажущемся единстве» сказочного пространства «постепенно накапливавшиеся частности» [Там же, с. 57] и анализировать их по принципу «от наших дней к древности», подчеркивая, что отражение в мотивах получает лишь то, что обусловлено их внутренним согласием с контекстами. Особенно это надо учитывать, когда встает вопрос о заимствованиях. Для изучения законов моделирования с идейно-концептуальной точки зрения ученый советовал обращать больше внимания на современные сказки, которые сами по себе предоставляют для этого «гораздо более прочный и достоверный материал» [4, с. 125].

Итак, в своем исследовании сказки о невинно гонимой девушке Веселовский придавал особое значение анализу ее структурно-семиотического состава и дискурсу. Развивая концепцию исторически сменяющихся типов мышления, он доказывал, как диалектика идей влияет на эволюцию форм. «Свежесть» и «уникальность» этой итальянской работы оценили Ф. Дзамбрини, А. Муссафиа, Г. Парис, Р. Кёлер, А. Д'Анконе и другие, однако кроме «удачного

опыта компаративистского подхода» [18, р. 12] никто не смог тогда оценить новаторских наблюдений молодого ученого. Тем временем Веселовский, выделив диахроническую первичность мотива по отношению к сюжету, пришел к ряду интересных выводов:

- 1) мотив наряду с языком отражает особенности коллективного восприятия в образах-концептах;
- 2) с точки зрения структуры мотив является простейшей повествовательной единицей;
- 3) архаическая сказка – продукт мифологического (дологического) сознания, следовательно, ее состав формируется в рамках кумулятивных комплексов;
- 4) мотив обладает свойством встраиваться как в синтагматические, так и в парадигматические схемы;
- 5) когда историческая парадигма вытеснила мифологическую, сказка «перестроила» под новые требования свою гносеологическую и аксиологическую системы;
- 6) сказочный материал допускает изучение как генезиса, так и эволюции форм и содержания;
- 7) анализ мотивов в диахронии позволяет обнаружить следы естественных бытовых условий, обрядовых действий и т.д., а в синхронии – оценить особенности поэтики.

Изучение сказки занимало важное место в научном наследии Веселовского. Формулируя свой подход к истории литературы, он разработал уникальный метод дифференцированного изучения мотива и сюжета. «Как только мотив оказывается противопоставлен сюжету, он перестает быть темой, заложенной в основе произведения, а становится материалом

для его построения» [10, с. 127], – справедливо замечает Б.П. Маслов. Смещение исследовательского ракурса от содержания к форме привело Веселовского к решению общих вопросов истории литературы, концепция которой, как считает М.В. Пашенко, включает в себя следующие аспекты: «1) способ объективизации длительного опыта человечества есть литература (феномен литературы), 2) литература есть текст (филология – наука о поэтическом тексте), 3) первотекст, точка оформления культуры в тексте, – это начало истории литературы (поэтика), то есть 4) начало распространения сюжета и символической системы первотекста, что вызывает кумулятивный процесс нового сюжето- и текстообразования (историческая поэтика)» [14, с. 459].

Используя в своих работах оригинальные методики синхронного анализа содержания текста и стратификации его структуры, принимая во внимание контекст и интертекст для осмысления событий и образов художественного мира, придавая важность сопоставлению дискурсов и т.д., Веселовский далеко опережал науку своего времени. Очевидная рецепция его идей или совпадение многих позиций так или иначе обнаруживается у последователей школы русского формализма (Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, В.Я. Пропп), в теории интертекстуальности (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Ю.М. Лотман), в теории дискурса (Р. Барт, Т. Ван Дейк), в теории когнитивной поэтики (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, М. Тёрнер, Р. Цур), в теории фреймов (И. Гофман, М. Минский), в теории «дискурсивного символизма» (С.К. Лангер).

Пониманию этих связей, возможности влияния Веселовского на ученых-теоретиков XX в., обнаружению новых интенций в его гипотезах и интуициях сегодня уделяется много внимания как в России, так и за рубежом. В последние годы на эту тему появилось много новых публикаций: Г.И. Данилиной [9], И.В. Силантьева [15; 16], Б.П. Маслова [10; 17], А.Е. Махова [11; 12], Дж.Э. Меррилл [13] и др. Общие вопросы исторической поэтики ежегодно обсуждаются в РГГУ (Москва) на кафедре сравнительной истории литературы в рамках семинара «Современные проблемы компаративистики» под

руководством И.О. Шайтанова, в НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) – в проекте «Современные модели поэтики: реконструктивный подход»; на международных конференциях «“Историческая поэтика” А.Н. Веселовского: актуальные проблемы и перспективы изучения» (2008, МПГУ), «Старые теории, как и почему?» (2013, Париж, Франция); «История литературы: русские теории в постгегелевском ключе» (2013, Бостон, США); «Русская школа исторической поэтики» (2013, Мюнхен, Германия); в Принстонском университете (США) активно развивается онлайн-портал «Историческая поэтика» (<https://www.historicalpoetics.com>).

Библиографический список

1. *Веселовский А.Н.* Отчеты о заграничной командировке (1862) // *Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике.* М., 2010. С. 39–46.
2. *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // *Собрание сочинений А.Н. Веселовского.* Т. XVI. М.; Л., 1938. С. 1–82.
3. *Веселовский А.Н.* II. Чешские песни (1864) / предисл., публикация рукописи, примечания К.И. Ровды // *Русский фольклор.* Т. XIX. Л., 1979. С. 186–199.
4. *Веселовский А.Н.* Новые журналы по народной словесности и мифологии (1882) // *Веселовский А.Н. Избранное: Критические статьи и заметки.* М.; СПб., 2016. С. 123–138.
5. *Веселовский А.Н.* Из лекций по истории эпоса (1884) // *Веселовский А.Н. Историческая поэтика.* Л., 1940. С. 446–492.
6. *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов (1913) // *А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика.* М., 2006. С. 535–652.
7. *Веселовский А.Н.* Из юношеских дневников // *Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: по случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916).* Петроград, 1921. С. 43–126.
8. *Веселовский А.Н.* Определение поэзии (1959) // *Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика.* М., 2006. С. 81–170.
9. *Данилина Г.И.* Два взгляда на историчность: идеи А.Н. Веселовского в трудах А.В. Михайлова // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / отв. ред. Т.В. Говенько.* М.; СПб., 2016. С. 246–260.
10. *Маслов Б.П.* Автомизация поэтического языка: о понятийных предпосылках русского морфологического метода // *Вопросы философии.* 2016. № 10. С. 121–131.
11. *Махов А.Е.* Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // *Вопросы литературы.* 2010. № 3. С. 182–202.
12. *Махов А.Е.* Из истории понятия «мотив»: Веселовский versus Шерер // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / отв. ред. Т.В. Говенько.* М.; СПб., 2016. С. 83–99.
13. *Меррилл Дж.Э.* Фольклористические основания книги Виктора Шкловского «О теории прозы» / пер. с англ. // *Новое литературное обозрение.* 2015. № 133. С. 197–213.
14. *Пашенко М.В.* «Русский Грааль»: филология символических форм А.Н. Веселовского // *Веселовский А.Н. Избранное: Легенда о Св. Граале / сост. М.В. Пашенко.* М.; СПб., 2016. С. 397–492.

15. *Силантьев И.В.* Теория мотива А.Н. Веселовского в рецепции В.Я. Проппа и проблема мотивного инварианта // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте: исследования и материалы* / отв. ред. Т.В. Говенько. М.; СПб., 2016. С. 237–245.
16. *Силантьев И.В.* Семантическая трактовка мотива в трудах А.Н. Веселовского и О.М. Фрейденаберг // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2017. № 4 (25). С. 61–66.
17. *Maslov B.* How to murder a work of art: Philologie, historical poetics, and the morphological method. *Poetics Today.* 2017. No. 38 (3). Pp. 485–518.
18. *Paris G.* [Recension]. *Revue critique d'histoire et de littérature.* 1868. No. 1. 4 janvier. Pp. 10–13.
19. *Wesselofsky A.* Novella della figlia del re di Dacia: Testo inedito del buon secolo della lingua. Pisa, 1866.

References

1. Veselovsky A.N. Reports on a foreign mission (1862). *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike.* Moscow, 2010. Pp. 39–76. (In Rus.).
2. Veselovsky A.N. Notes and doubts on a comparative study of the Medieval epos (1868). *Sobraniye sochineniy A.N. Veselovskogo.* Vol. 16. Moscow; Leningrad, 1938. Pp. 1–82. (In Rus.).
3. Veselovsky A.N. II. Czech Songs (1864). Predisloviye, publikatsiya, primechaniya K.I. Rovdy. *Russkiy folklor.* Vol. XIX. Leningrad, 1979. Pp. 186–199. (In Rus.).
4. Veselovsky A.N. New journals of folk literature and mythology (1882). *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Kriticheskiye stati i zametki.* Moscow; St. Petersburg, 2016. Pp. 123–138. (In Rus.).
5. Veselovsky A.N. From the lectures on the epos histoty (1884). *Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika.* Moscow, Leningrad, 1940. (In Rus.).
6. Veselovsky A.N. Poetics of plots. *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika.* Moscow, 2006. Pp. 535–652. (In Rus.).
7. Veselovsky A.N. From the youth diaries. *Pamyti akademika Aleksandra Nikolayevicha Veselovskogo: po sluchayu desyatiletiya so dnya yego smerti (1906–1916).* Petrograd, 1921. Pp. 43–126. (In Rus.).
8. Veselovsky A.N. Definition of poetry. *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika.* Moscow, 2006. Pp. 81–170. (In Rus.).
9. Danilina G.I. Two views on historicity: The ideas of A.N. Veselovsky in the works of A.V. Mikhailov. *Naslediye Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy.* T.V. Govenko (ed.). Moscow; St. Petersburg, 2016. Pp. 246–260. (In Rus.).
10. Maslov B.P. Automation of the poetic language: About the conceptual prerequisites of the Russian morphological method. *Voprosy Filosofii.* 2016. No. 10. Pp. 121–131. (In Rus.).
11. Makhov A.E. Veselovsky – Curtius. Historic poetics – historical rhetoric. *Voprosy Literaturny.* 2010. No. 3. Pp. 182–202. (In Rus.).
12. Makhov A.E. From the history of the concept of “motive”: Veselovsky versus Sherer. *Naslediye Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy.* T.V. Govenko (ed.). Moscow; St. Petersburg, 2016. Pp. 83–99. (In Rus.).
13. Merrill J.E. Folkloristic bases of the book of Victor Shklovsky “On the theory of prose”. Transl. from English. *Novoye literaturnoye obozreniye.* 2015. No. 133. Pp. 197–213. (In Rus.).
14. Paschenko M.V. “Russian Grail”: Philology of symbolic forms of A.N. Veselovsky. *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Legenda o Sv. Graale.* M.V. Paschenko (ed.). Moscow; St. Petersburg, 2016. Pp. 397–492. (In Rus.).
15. Silantyev I.V. Theory of motive by A.N. Veselovsky in the reception of V. Propp and the problem of a motive invariant. *Naslediye Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy.* T.V. Govenko (ed.). Moscow; St. Petersburg, 2016. Pp. 237–245. (In Rus.).
16. Silantyev I.V. The semantic interpretation of the motive in the works of A.N. Veselovsky and O.M. Freudenberg. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye.* 2017. No. 4 (25). Pp. 61–66. (In Rus.).

17. Maslov B. How to murder a work of art: Philologie, historical poetics, and the morphological method. *Poetics Today*. 2017. No. 38 (3). Pp. 485–518.
18. Paris G. Recension [Review]. *Revue critique d'histoire et de littérature*. 1868. No. 1. 4 janvier. Pp. 10–13.
19. Wesselofsky A. Novella della figlia del re di Dacia: Testo inedito del buon secolo della lingua [Novella of Dacia king daughter: Unpublished text of the language of the language]. Pisa, 1866.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021, принята к публикации 25.01.2022

The article was received on 20.12.2021, accepted for publication 25.01.2022

Сведения об авторе / About the author

Говенько Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела фольклора, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук, г. Москва; доцент кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Tatiana V. Govenko – PhD in Philology (Literature); Senior Research Fellow at the Folklore Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Assistant Professor at the Russian Classical Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: govenko@mail.ru